

Всеволод Гаршин

Подлинная история Энского земского собрания

*Часть сборника
Красный цветок (сборник)*

В.М.Гаршин Красный цветок //Эксмо, Москва, 2008

ISBN: 978-5-699-27370-6

FB2: "Chernov2 " <chernov@orel.ru >, 19 November 2008, version 1.0

UUID: f779b6fe-6dff-11e2-8a5c-002590591ea6

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Всеволод Михайлович Гаршин

Подлинная история Энского земского собрания

«Маленький уездный городок в тревоге. Со всех сторон понаехали гласные: помещики с остатками прежнего величия явились в каретах и колясках, помещики без таковых остатков и духовенство – в тарантасах, крестьяне... – впрочем, их почти не было в числе гласных уезда...»

**Всеволод Михайлович
Гаршин**

**Подлинная история Энского
земского собрания**

Маленький уездный городок в тревоге. Со всех сторон понаехали гласные: помещики с остатками прежнего величия явились в каретах и колясках, помещики без таковых остатков и духовенство – в тарантасах, крестьяне... – впрочем, их почти не было в числе гласных уезда.

По улицам, по которым в обыкновенное время прогуливаются только скучающие собаки да сумасшедшая нищая, Марья Ивановна, предполагающая в недалеком будущем выйти замуж за какого-то мифического помещика, господина Растопыркина, о чем она сообщает во всеуслышание, – теперь ходят группы обывателей города и уезда, группы оживленных, озабоченных, горячо толкующих людей. Большею частью они направляются к местному клубу. Здесь все полно; кроме гласных, собрался также и весь город. Говор, стук ножей и вилок, звон посуды. В одном углу высокий седой господин собрал вокруг себя толпу слушателей и заливает их потоками красноречия:

– Да помилуйте, господа, это негодяй, совершеннейший негодяй. Я так и назову его

«Гласов». Он, положим, Голосов, ну, да Гласов – это лучше! Я, поверьте, все законы знаю. Я ему такие законы покажу! Я скажу: господин гласный Гласов, хотя вы и все законы знаете...

Слушатели смеются.

– Хотя вы и все, скажу, законы знаете, но я... господин гласный Гласов, иначе...

Гласов проходит мимо. При его приближении все стихает, только слышится сдержанный смех. Седой господин бросает на Гласова взгляд вепря, Гласов отвечает ему тем же. Однако враги расходятся благополучно.

Буфет берется приступом. Рюмки водки и бутерброды исчезают с невероятной быстротой; под влиянием винных паров языки представителей нужд и потребностей населения делаются еще развязнее. Какой-то оптимист, с рюмкой водки в одной руке и с куском балыка на вилке в другой, ликует и восторженно разглагольствует:

– Вот, господа, как наш-то уезд себя знать дает! Мужскую прогимназию открыли, женскую откроем! Письма по почте земской посылать будем! Железную дорогу выстроим!

Вот как у нас!

Водка и балык исчезают.

– Вы бы прежде позаботились о мерах против голода, – грустно говорит какой-то маленький человечек – не земец.

Балык представляет важные препятствия свободному выражению мыслей ликующего господина, но наконец он побежден, и из облизывающихся уст вылетает:

– Какой голод?

– А в Муразовской-то волости – копна на десятине.

– Какая копна? Что за голод! Пустяки, никакого голода нет! У меня, батюшка, копна семь мер, слышите? Семь мер в этом году даст. У меня, батенька, пятьсот четвертей в этом году одной пшеницы-с! Вот что-с. Какой тут голод? Урожайи не ниже среднего... У меня, сударь мой...

– Помилуйте, какой голод! – громко вмешивается третий собеседник, господин джентльменского вида. – Я предлагаю тридцать копеек в день, и никто не идет ко мне работать. Разве это нужда? Поверьте, если бы они нуждались, они бы и за гривенник по-

шли.

– Да ведь я говорю только, что в Муразовской волости...

– Нет, позвольте-с! У меня в самом Муразове погреб. Если бы был голод, разве не было бы заметно по отпуску спирта?

– Пьяницы! – перебивает мрачный отставной генерал, хранящий в своем сердце предания «Вести».

– А? Разве не было бы заметно? – победоносно кричит изящный владелец погреба, наклоняясь своей бородой к самому лицу низенького протестанта. – Они, милостивый государь, водку пьют, как и всегда! А вы в набат, голод...

– Дармоеды! – гремит генерал и, полный негодования, требует рюмку хересу.

Низенький человечек скромно удаляется.

– Вредный человечек, ваше превосходительство.

– Пьяницы! Что-с, что вы говорите? – строго и внезапно обращается генерал к изящному владельцу погреба.

– Франт этот, говорю, ваше превосходительство, вредный человек.

– А, да, да, из них, из этих, из новых. Лени-
тяи!

Составляется одиннадцать пулек.

* * *

Иван Иванович Половин проснулся в необыкновенно приятном расположении духа. Да и было от чего. Наступающий день был для него великим днем. Он был скромный человек и не жаждал славы, но вдруг случилось обстоятельство, поставившее его в центр общественного водоворота: предводителя дворянства хватил паралич, так что он оказался неспособным председательствовать на предстоящем земском собрании. И воля судьбы указала Ивану Ивановичу взять на себя эту почетную и трудную обязанность.

Когда Иван Иванович, напившись чаю, надел свой мундир на белой подкладке, с длинной талией и пришитыми орденами, и вышел на улицу, то даже Марья Ивановна, проходившая в это время мимо, возопила от восторга и надежды увлечь в свои сети приятно-го подполковника. Господин Растопыркин на минуту был забыт.

– Пошла, пошла, дура, – сердито сказал

председатель и величественно направился к низенькому зданию, вымазанному глиной, как и все здания описываемого города.

Вывеска, прибитая на одном из углов этого здания, гласила: «Энская уездная земская управа».

Зала собрания была уже битком набита. По случаю ярмарки и хорошей погоды число собравшихся гласных было более чем достаточно для того, чтобы собрание могло состояться.

Иван Иванович, пробираясь через толпу и расточая рукопожатия направо и налево, достиг длинного, покрытого зеленым сукном, стола. Сделав фланговое движение для обхода, он достиг, наконец, до своего председательского места и взял в руки колокольчик.

Водворилась тишина. Сосчитали гласных, выбрали членов редакционной и ревизионной комиссий, словом, начали так, как начинают все земские собрания. Но читатель еще не вполне знаком с составом энских представителей.

Главный элемент собрания, благородное дворянство, нам уже отчасти известен. Второй, менее численный, но не менее могуще-

ственный, составляло благочестивое духовенство. Целая скамья была занята массивными телами в коричневых и лиловых шелковых рясах, с наперсными крестами и даже с знаками ордена святой Анны. Похвальное единодушие и твердость в шествовании к избранной цели всегда составляли главные качества энских пастырей. Кроме того, некоторые из них отличались красноречием, явственно доказывающим благоуспешность в изучении риторики в бытность их в духовной семинарии. Особенно славился этим достохвальным талантом благочинный, о. Андрей Благовзоров, совокупивший в себе внушительную наружность и тяжкий вес с сладкогласием сирены и хитроумием Улисса.

За духовенством поместились гласные из волостных старшин и вообще все смертные, одетые не в рясы и не в сюртуки. Уныло понурив свои головы, слушали некоторые из них доклады управы: «о необходимости децентрализации хлебных складов»; «о внушении учителям сельских школ, чтобы они держались при преподавании арифметики метода Грубе»; «о дезинфекции вод реки Рохли ниже

шерстяных моек купца Абдулина» и пр. и пр. Совершенная безнадежность понять мудреные слова, искусно ввернутые в доклады председателем управы, ясно выразалась на угрюмых седобородых лицах; сон клонил крестьянские головы и стибал спины, не привыкшие к шестичасовому сиденью на одном месте. Во время чтения доклада об «ирригации и дренаже некоторых местностей Энского уезда», в котором, то есть в докладе, между прочим, упоминалось о том, что и предприимчивые нидерландцы осушили Гарлемское озеро, один из сидевших позади гласных даже испустил легкий носовой свист, за что и был подвергнут немедленному и строгому взысканию со стороны председателя собрания.

Заседание шло тихо и смирно. По прочтении доклада председатель предлагал «передать его в редакционную комиссию», с чем собрание единогласно соглашалось. Надо заметить, что многие вопросы решались подобным образом еще со введения земских учреждений; семь редакционных комиссий рассматривали их и оставляли дело *in status quo* [1].

Впрочем, большинство вопросов, представлявших хоть некоторую долю важности, и не могло быть решено именно другим образом. Вот, например, железная дорога: что вы с нею будете делать, тут что ни думай, ничего не придумаешь. Решили: «признать полезным доклад управы и выразить г. председателю оной благодарность собрания, а самый доклад передать в редакционную комиссию». Так как еще ни разу Энское земское собрание не успевало решить всех подлежащих рассмотрению вопросов, то, в силу естественного подбора, наиболее зубастые из них сумели продлить свое существование и, по всей вероятности, продлят его еще на долгое время.

Но бывают иногда вопросы, которые хотя и зубасты, но в силу обстоятельств должны быть разрешены во что бы то ни стало. Один из таких вопросов внезапно предстал перед членами настоящего собрания во всеоружии неразрешимости.

Уезду грозил голод.

Хлебороднейший уезд одной из хлебороднейших губерний терпит голод, — это странное обстоятельство перестало быть странным

со времени достопамятного 1873 года. Наш тучный чернозем полтора месяца не видел капли дождя; всходы погорели; уцелевший хлеб в четверть ростом был с почти пустыми колосьями. Энский уезд, кроме пшеницы, ничего не производит; дело, следовательно, шло серьезное. Купцы и помещики мало горевали: в прошлом году урожай был огромный, но из-за низких цен много хлеба осталось непроданным на этот год. В этот же голодный год цены достигли редкой высоты, и прошлогодний хлеб заменил хлеб этого года. Крестьянство же, как и подобает невежественному, ленивому и пьяному крестьянству, не выказало такого похвального благоразумия; прошлогодний хлеб был весь продан за бесценок, а в этом году его вовсе не было. Сена тоже не было; уже в августе лошади продавались по 5 и по 3 р., жеребята по 30 коп.

Управа заблаговременно собрала по волостным правлениям сведения «о количестве необходимого в 187... г. пособия для лиц, нуждающихся в хлебе как для продовольствия, так и для обсеменения полей». Сведения собирали волостные писаря, и собирали весьма

оригинальным образом: писалась красиво разграфленная ведомость, выставлялись на ней имена крестьян и против каждого имени более или менее хитрая цифра, как то: 21 р. 43 $\frac{1}{4}$ к., 41 р. 83 $\frac{3}{8}$ к. и т. п. Само собою разумеется, что при таком способе сумма, необходимая для предотвращения голода, вышла если не круглою, то значительною, а именно достигла до 411 843 р. 7 $\frac{1}{8}$ коп.

Секретарь собрания произнес эту цифру с некоторым дрожанием в голосе.

Взрыв криков покрыл последние его слова. Передние ряды гласных вскочили с места и разом произнесли до десяти речей, которых смысл, за всеобщим шумом, навеки утратился для потомства. Гвалт был так силен, что даже отставной гвардии корнет, окончивший службу еще при императоре Павле Петровиче, почувствовал, что что-то неладно, и испустил из своего угла какое-то мычание.

В зале стон стоял, изредка можно было разобрать отдельные возгласы:

- У меня семь мер...
- Да помилуйте, водки-то!
- Послать членов, разузнать о голоде! Ка-

кие там члены, просто плюнуть! Враки-с, враки-с, враки-с! Что за голод, помилуйте! Энский уезд, так сказать, древняя житница в некотором роде! Хорошо вам-то, у вас ведь куры не клюют!

Над всем этим гвалтом царил неумолкаемый звон колокольчика, потрясаемого неумолимою рукою председателя, не жалевшего ни здоровья, ни сил для общего блага, да густой бас генерала с преданиями «Вести», гудевший, подобно колоколу:

– Пьяницы! Дармоеды! Лентяи! Пьяницы!

Сладкогласное духовенство молчало; крестьяне тоже. Да и что им было говорить?

В открытое окно с улицы глядела неизбежная Марья Ивановна, и странное дело: никогда не перестававшая болтать чепуху, она на этот раз молчала. Потом глупо засмеялась, повернулась и заковыляла по улице, громогласно вспоминая своего хотя и созданного ее безумным воображением, но уже неверного жениха.

Вопрос о вспомоществовании был передан в редакционную комиссию.

Вечером в клубе составилось четырнадцать

дцать пулек.

* * *

На другой день господа гласные собрались вновь. Редакционная комиссия окончила свои занятия и дала по некоторым вопросам мнения, которые и повергла на усмотрение мудрости народных представителей. Но еще до рассмотрения этих был предложен и блистательно проведен вопрос, имеющий существенное значение для общественной жизни уезда. Вопрос этот был поднят г. председателем управы и выражался в следующих незабвенных словах:

«Принимая во внимание, что интересы земского самоуправления вполне аналогичны с таковыми же государственными; принимая во внимание, что стремление к совпадению тех и других одно лишь может назваться истинным направлением, а самое совпадение истинной целью представителей земской силы империи, председатель управы имеет честь предложить на обсуждение земского собрания следующий вопрос, заслуживающий внимания как по своей абсолютной важности, так и потому, что многие правитель-

ственные учреждения уже решили его в утвердительном смысле. Важный вопрос этот – вопрос об уничтожении в денежных счетах Энской управы долей копеек, существование которых столь значительно замедляет течение дел, что...»

Но автор предлагаемых достоверных мемуаров не может изложить конца этого блистательного предложения, потому что земское собрание так восторженно завопило: «принять, принять», что дальнейшее содержание предложения осталось неизвестным и г. председатель был вынужден, сложив руки на границе между грудью и брюшною полостью, раскланиваться во все стороны, что он и исполнил вполне успешно. При этом на глазах его показалась даже некоторая влажность, что привело господ гласных в еще больший восторг.

– Позвольте мне, – заговорил Иван Иванович, – позвольте мне, уважаемый Василий Николаевич, сказать несколько слов, которые только весьма слабо... в весьма слабой степени могут изобразить, могут выразить... благодарность собрания, которое... которое не мо-

жет не видеть в вашей деятельности... неусыпной деятельности... знаков, знаков... которые...

Тут голос добродетельного Ивана Ивановича задрожал. Никогда сердце его не было так переполнено приливом возвышенных и светлых чувств. Задрожав, голос добродетельного Ивана Ивановича прервался, и рука его, достав из заднего кармана красный фуляровый платок, поднесла его к глазам, между тем как председатель управы продолжал раскланиваться направо и налево.

* * *

На другой день утро было пасмурное; вдали слышались раскаты грозы. К одиннадцати часам тучи собрались над самым городом, сверкнула белым зигзагом молния, грянул гром и полил проливной дождь. Господа гласные собрались на заседание в мокрых костюмах; быть может, и это обстоятельство было одною из причин печального события, подробности которого благосклонный читатель узнает из нижеследующих строк.

Господин гласный Гласов, равно как и седой господин на всех заседаниях собрания си-

дели молча. Что было причиной такого бесстрастного отношения к земским нуждам – сказать трудно, но можно с некоторою достоверностью утверждать, что эти господа из природного благородства и преданности обществу не желали мешать решению общественных дел открытым выражением своей вражды. А такое выражение неминуемо должно было последовать, как только один из врагов открыл бы рот.

При рассмотрении проекта «о децентрализации хлебных складов» некоторыми из гласных было предложено добавить к четырем уже существующим членам управы еще пятого, специальною обязанностью которого было бы ревизирование хлебных магазинов. Предложение это встретило всеобщий восторг, так как с почетною обязанностью члена управы соединялось некоторое жалованье, которое, как известно из поговорки, на улице не поднимешь. Среди общего ликования раздался один голос, совершенно некстати спросивший:

– А кто, господа, будет новым членом?

Иван Иванович на это ответил:

– Милостивый государь, неужели у нас мало деятелей? Неужели между нашим дворянством не найдется человека, который мог бы взять на себя и с честью выполнять подобную обязанность? Вот вам пример: возьмем хоть нашего уважаемого Николая Дмитриевича.

И он, обратив руку вверх ладонью, сделал ею движение по направлению к господину Гласову.

Эти слова и этот жест решили все.

Уважаемый Николай Дмитриевич встал и поклонился. Но не успел он сесть на место, как послышался гневный вопрос:

– Это господин гласный *Гласов* с честью может выполнить? Благодарю покорно!

Компания, окружавшая седого господина, захохотала. Гласов, не садясь на место, вперил взор во врага, но встретил взор не менее грозный. Сердца бились. Все безмолвствовало. Иван Иванович очнулся первый, как и следовало мужественному председателю.

– Сядьте, господа, пожалуйста; Николай Дмитриевич, прошу вас! Иван Петрович! Ах, какие вы, господа... Да полноте, ну, прошу вас...

Последние слова его были уже заглушены. Гласов ответил седому, седой – Гласову; сторонники того и другого примкнули к своим вождям, и тут началось нечто неопишваемое.

* * *

Автор предлагаемых достоверных мемуаров, к стыду своему, должен признаться, что он поспешил спастись бегством. Ибо, зная горячность нравов, он не мог считать дальнейшее пребывание безопасным. Впрочем, последствия показали, что страх его был напрасен. Тотчас же после его ухода кричащие представители самоотверженно решились ретироваться из залы собрания, чтобы не превратить этого поля гражданских подвигов в место беспорядка и насилия. Одним словом, все побежали, собрание расстроилось.

– Никогда нога моя не будет в этом собрании, – кричал, выбегая, изящный владелец погреба. – Помилуйте, что это за люди, это звери какие-то!

Седой господин, очутившись на улице, кричал во все горло:

– Это подлец Гласов все виноват. Это он, негодяй этакий! – и пр. и пр.

И когда господин Гласов проходил мимо, он удвоил свои крики и брань. Окружающие смеялись. Все валило в клуб.

В зале собрания было пусто. Остался только Иван Иванович, как бы в столбняке сидевший на своем председательском кресле, да отставной гвардии корнет, который, несмотря на все свои старания, не понял ничего, хотя, по-видимому, смутно сознавал необычайность происшедшего. Это сознание выразилось какими-то странными звуками:

– Гум! Хум! Что вы говорите?

Но Иван Иванович не только ничего не говорил, но даже и не слушал отставного корнета. Внезапно вскочил он, бросил об пол колокольчик, который до того времени держал в судорожно стиснутой руке, и кинулся на улицу.

Марья Ивановна какими-то судьбами очутилась возле него и трещала:

– Что, голубчик, куда бежишь? За ними, за молодцами? Не беги, не беги, не вернутся! Вон, вон они пошли-поехали. Вон поехали-побежали! Погоди, вот Растопыркин-господин придет, он их соберет! Уж соберет он их, го-

лубчик мой! Охо-хо-хо!

И с безобразным хохотом сумасшедшая схватила Ивана Ивановича за руку.

Он остановился, вырвал у нее руку и закричал не своим голосом:

– Да пошла ты к черту!!

Да и как не сердиться! Быть в центре общественного водоворота, и вдруг такое неожиданное приключение. Собрание расстроилось, дела не решены, надо докладывать господину губернатору и испрашивать разрешения созвать экстренное собрание. И потом неизвестно еще, как на это посмотрит его превосходительство.

1876 г.

Примечания

1

В прежнем положении (лат.).

[^^^]